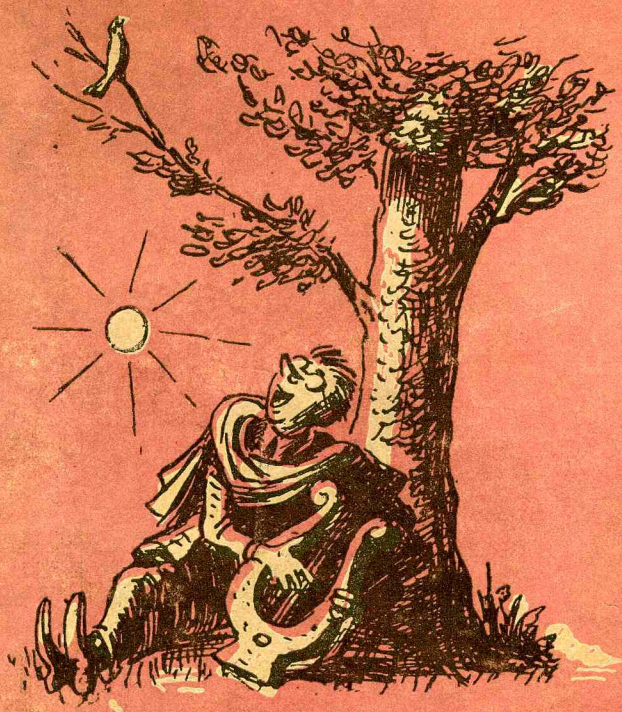

Ал. ФЛИТ

В садах
ЛИТЕРАТУРЫ.

А. ФЛИТ

В садах
ЛИТЕРАТУРЫ

КНИГА ПАРОДИЙ

РИСУНКИ И. ШАБАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Художественная литература“,
Ленинград 1988

ВООБЩЕ...

ТВОРЧЕСКАЯ
лаборатория

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КРИТИК

*От чистого сердца
критикам-штамповщикам*

Как пользоваться прибором

Выпущенный нашей творческой лабораторией оригинальный прибор-набор „Универсальный критик“, абсолютно не требуя в работе ни мыслей, ни знаний, в то же время легко заменяет собой от десяти до двенадцати тонн критических статей.

Каждый, желающий написать развернутую критическую статью или отзыв, может

сделать это, не теряя ни минуты драгоценной о времени, пользуясь исключительно нашими общедоступными штампами „Универсальный критик“.

Быстро! Дешево! Доступно! Богатый выбор!

Следует только в соответствующих, отмеченных пунктиром местах проставлять издательство, фамилию автора, род, название произведения и некоторые дегали.

Для лучшего освоения прибора даем все четыре штампа в действии на конкретном примере.

ШТАМП I. СИГНАЛИЗИРУЮЩИЙ

(Иван Кукушкин — начинающий автор)

Издательство Худ. литература выпустило первую книгу роман молодого автора Кукушкина „Пшеница цветет“. Следует с самого начала предостеречь молодого небесталантливого автора от тех пороков, которые в огромном количестве имеются в обнаженном виде в его „Пшенице“.

Это — отсутствие творческого лица, творческого нюха, слуха, взора, собственной интонации и мироощущения.

Ничему не веришь: ни Васе -трактористу, ни сторожу Никодиму, ни любви нарядчицы Маши к завсельпо Сергею.

Книга получилась очень сырая. Многие страницы поражают своей полной беспомощностью.

Приходится поражаться, как могло изда-

тельство выпустить этот ученический роман, оказав этим автору медвежью услугу.

Все же выпуск книги следует приветствовать.

ШТАМП II. МАНЕВРИРУЮЩИЙ

(Иван Кукушкин — ведущий писатель)

В последнем номере „*Вечерней звезды*“ напечатана 16-я часть романа *Кукушкина „Пшеница цветет“*. От части к части заметно автор растет, прорастая в растущего мастера, радующего своим творческим ростом.

Кукушкин вплотную овладевает своей темой. Лепка образов и воздух среды стали весомее, ощутимее.

Сюжет, не в пример предыдущим частям, крепко сбит в единый стержневой стык. Вещь держится и стоит.

При всем том отдельные творческие удачи писателя компенсируются рядом больших и решающих неудач писателя в целом.

Удачно показаны: *изба сельсовета, Вася-тракторист, сторож Никодим, сцена опьянения и т. д.*

Неудачно показаны: *звездная ночь, любовь к завсельпо Сергею, заправка трактора горючим и т. д.*

В итоге не ощущаешь целого: все рассыпчато, все невесомо. Не веришь в *любовь нарядчицы Маши*. Сущность *тракториста* не вскрыта до конца. *Сельпо* остается деталью и повисает в воздухе.

Вещь не стоит, она разваливается.

И все же „Пшеница цветет“, являясь решительной творческой неудачей автора, знаменует дальнейший углубленный творческий рост писателя, будучи именно той волнующей знаменательной творческой удачей писателя, не удавшейся ему в целом, которая заставляет ждать от него в будущем новых и волнующих неудачных удач.

ШТАМП III. РАВНОДУШНЫЙ

(Иван Кукушкин — в тени)

Недавно вышедшая книга Кукушкина „Пшеница цветет“ ничего не прибавляет и не убавляет в творческом багаже автора, в то же время оставаясь на уровне. В книге наряду с рядом хороших мест (звездная ночь, сельсовет, село) есть и ряд плохих (Вася, Маша, Сергей, Никодим). Местами автор рассказывает не показывая, местами показывает не рассказывая, местами скользит по поверхности.

Иллюстрации приемлемы. Бумага приличная. Цена, если учесть объем, переплет и супер-обложку — недорогая.

ШТАМП IV. ВОСТОРЖЕННЫЙ, ВЗАХЛЕБ

(Иван Кукушкин поднимается на щит)

Со времени Гете, Шекспира и Пушкина не появлялось за последнее время на литературном фронте произведения более яркого, более насыщенного, чем роман „Пшеница цветет“ Кукушкина.

Автор в своей героине *скромной нарядчице Маше* кладет мощное начало новому эпосу и новой лирике, оставаясь реалистом до мозга костей и создавая классическую прозу, местами напоминающую прозу великих гениев XIX века от Пушкина до Толстого (Льва).

Взяв все лучшее от классиков, автор нашел золотой ключ к людям нашей эпохи и с потрясающей силой запечатлел наше сегодня в монументальных образах *звездной ночи, нарядчицы Маши, тракториста Васи и завсельпо Сергея*.

Умно! Проникновенно!! Талантливо!!! Гениально!!!!

Вот те скромные слова, которые едва ли способны выразить все огромное, еще до конца не осознанное впечатление от романа.

„Пшеница цветет“ несомненно входит и уже вошла в сокровищницу мировых шедевров литературы, наравне с „Дон-Кихотом“, „Фаустом“ и „Королем Лиром“.

УНИВЕРМАГ ЛИТЕРАТУРЫ

КРАТКИЙ КАТАЛОГ

1. КНИЖНО-КАНЦЕЛЯРСКИЙ ОТДЕЛ

Получена новинка „Вечный сюжет“. Оригинальный набор испытанных и проверенных на зрителях ситуаций, а также теплых и полутеплых персонажей, в изящной коленкоровой коробке с объяснением.

Каждый взрослый, даже неопытный писатель, просмотрев объяснение, может легко и быстро составлять и переиздавать любые драмы, комедии, романы и повести. Практично в дороге. Не будит мысли, не раздражает нервной системы.

Цена в коленкоровой изящной коробке... Впрочем, цены нет такому набору в умелых руках.

2. ОТДЕЛ МЕТИЗНО-МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ

В огромном выборе — щиты для поднятия писателей с последующим сбросом. Разных размеров. Важно для тт. критиков и литературоведов.

3. ОТДЕЛ АНТИКВАРНЫЙ

Подлинные выражения XII, XIII и XIV веков. Подлинные истлевшие части одежды с точным и непонятным наименованием. Краткие словари бранных древнерусских и византийских слов от Ярослава Мудрого до Ивана Калиты с переводом и без. Незаменимо для исторических романистов, желающих углубиться в дебри.

В большом ассортименте имеется Екатерина II всех возрастов и в любых разрезах: эстетическом, альковном, идеологическом и др.

4. ОПТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

К новому году получены микроскопы для пушкинистов. Огромное увеличение дает возможность подвергнуть тщательному химико-техническому анализу состав древесной и тряпичной массы, входившей в состав бумаги, на которой писал великий поэт. Одновременно можно проследить последовательное разложение чернильного фермента на рукописях Пушкина, поставив его в связь с общей проблемой пушкинского черниловедения 30-х годов прошлого столетия.

5. ЖИВОПИСНО-ГАЛАНТЕРЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Изящные мелкие украшения для романов и повестей, скользящих по поверхности, как то: экзотические названия местных блюд и местностей, готовые описания природы

всех поясов от Арктики до субтропиков, а также все для лакировки, как то: кисти, лаки, сусальное золото и пр.

6. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Все для банкетов и встреч с... Полный набор застольных речей — до, в середине и в конце ужина, с примерным текстом тостов и обещаний.

7. ДЕТСКИЙ МИР

К новому году получены „Вопросники и ответники“, интересные и не очень. Большой выбор ценных переплетов разного тиснения под цвет полок.

А также получены маршаки всех размеров в роскошных переизданиях.

При отделе бесплатная консультация с детскими писателями на тему „Как поскорей научиться писать хорошие увлекательные детские книги“.

8. ОТДЕЛ ПОЛУФАБРИКАТОВ

Имеется „сухой роман“ в кубиках. Один кубик романа, растворенный в ведре воды, дает от пяти до восьми листов продукции, годной для ежешаечника типа „Нового мира“.

Получена „сгущенная новелла с сахаром“. Слегка подогреть на огне современности и подавать в журнал.

Всегда на буфете свежий винегрет из старых настриженных газет и мемуаров.

С успехом применяется при изготовлении толстых романов. Минимум труда! Максимум переизданий! Масса благодарностей! Роман, изготовленный из нашего винегрета, может спокойно вылеживать на библиотечной полке годами, сохраняя свой вкус, запах и цвет. Не боится пыли!

Заказы принимаются лично и по телефону. Доставка на дом. Торопитесь!

УГОЛОК
ЛИТЕРАТУРОВЕДА

ИЗЫСКАНИЯ

(Пушкинский сборник № 1001-й)

1

Вас. Соловových

ПУШКИН В СУХОЛЕСАХ

Новые материалы

Сухолесы — небольшое живописное село в бывшей Киевской губернии, лежащее в полутора километрах от ж.-д. линии Фастов — Знаменка Ю.-З. ж. д.

Сухолесы расположены на 48° широты при слиянии речек Гнилозубки и Остреча, двенадцатого притока Днепра.

Климат умеренный. Ветры переменные. Флора и фауна — типичны для южного края средней полосы.

Почва — суглинок, кое-где намывной песчаник, изредка — известняки.

Население — смешанное.

От села Каменки, где, как известно, в имении Давыдовых гостил А. С. Пушкин, Сухолесы отстоят по прямой линии на расстоянии 143,16 километра.

Аркадакский считает факт заезда Пушкина на постоянный двор в Сухолесах при поездке из Каменки в Киев, по меньшей мере, неустановленным.

Однако Шипучин-Замирайло склоняется к точке зрения Тихоходова, специально ездившего в Сухолесы.

Тихоходову удалось совершенно точно установить, что в период времени между ноябрем 1821 и февралем 1822 года на постоянный двор в Сухолесах у мельницы (на месте нынешнего совхоза № 23) заезжал А. С. Пушкин.

Тихоходов основывается на показании старожилы Арсения Непомнящего, который со слов своей прабабки Степаниды, записанных ее двоюродной теткой Агнией Нечипоренко, в замужестве Горбатюк, рассказывал Тихоходову, что какой-то „кучерявый молодой барин, а может и старик, кто их упомнит“, не то зимой, не то летом наезжал на постоянный двор сменить лошадей.

Тихоходов склонен предположить, что некоторые строфы „Евгения Онегина“ зародились именно в Сухолесах (см. „Зима. Крестьянин, торжествуя...“ и т. д.).

Однако состояние пушкиноведения как науки на сегодняшний день не дает, к сожалению, еще возможности с достоверностью восполнить этот зияющий пробел в творческой биографии поэта и установить— заезжал ли Пушкин на постоянный двор в это живописное село.

2

И. Крохоборов

НОВОГОДНИЙ БОКАЛ ПУШКИНА

(Краткое сообщение)

Не так давно (в 1895 г.) скончался В. В. Новоселов старший, последний из владельцев новогоднего бокала А. С. Пушкина.

Бокал, по недошедшим до нас рассказам очевидцев, хранился в семье И. И. Иванова-Гусятникова, женатого на Н. Н. Недрыгайловой, старшей дочери генерала от артиллерии Недрыгайлова.

Бабушка Н. Н. Недрыгайловой, Аделаида Александровна Недрыгайлова, урожденная Самоварникова, передавала деду Иванова-Гусятникова Эпаминонду Петровичу, отставному штабс-капитану лейб-гвардии Семеновского полка, что Пушкин пивал из этого бокала под новый 1834 год на встрече у Жуковского. Бокал представлял собой восьмигранник толстого полубемского стекла

александровской эпохи, с углублениями на ножке, высотой в $2\frac{3}{4}$ сантиметра.

С левой стороны на основании бокала имелась выемка $\frac{1}{4}$ сантиметра со следами выщербления.

Томатов считает выемку следствием удара о какой-либо твердый предмет, скорее всего стол. Он относит время появления выемки к 40-м годам, после смерти поэта. Однако Тузович-Тусенбах считает выемку существовавшей еще при жизни поэта.

Азбукиведский в 80-х годах прошлого столетия пришел, на основании опроса очевидцев, к заключению, что выемка на бокале Пушкина — очень раннего происхождения (примерно, эпохи Елизаветы Петровны). Бокал уже в поврежденном виде попал в семью поэта в 30-х годах.

В настоящее время как бокал, так и описание его, составленное В. В. Новоселовым старшим, безвозвратно утеряны.

3

Нестор Пименов

НЕПРОЧТЕННОЕ СЛОВО ПОЭТА

(Текстологический фрагмент)

В одной из пушкинских тетрадей, на странице 74-й, в углу слева наискосок, внизу имеется под двумя кляксами трижды зачеркнутое слово.

Текстолог, т. е. ученый, работающий над разбором текста, прежде всего должен быть хладнокровен.

Основное в непрочтенном слове — это анализ клякс и бумаги, на которой они поставлены.

При помощи сильно действующих реактивов автору удалось после месячного труда прочесть формулу состава чернил того времени.

В начале XIX века в Петербурге чернила изготавливались преимущественно из чернильных орешков иностранными — немецкими и голландскими — мастерами, проживавшими в Чернильной слободе, ныне не существующей.

Чернила продавались в расфасованном виде, склянками различной величины.

По авторитетному утверждению И. С. Улыбайченко, лучшего черниловеда пушкинской поры, Пушкин в основном пользовался темнозелеными, полуализариновыми чернилами с синим отливом.

И. С. Улыбайченко химически исследовал до 150 клякс на рукописях поэта разных периодов его жизни и пришел к любопытнейшему выводу, что все чернила были разных цветов.

Однако возвратимся к непрочтенному слову поэта.

Слово, повидимому, состоит из нескольких букв, примерно от четырех до шести. Первая клякса, назовем ее кляксой А, покрывает все слово по нижней его доле. Вторая клякса, назовем ее кляксой Б, симметрично покрывает верхнюю долю слова, захватывая и часть чистого поля тетради.

Один из наших талантливейших кляксологов З. У. Блошкин склонен утверждать, что

клякса Б поставлена отнюдь не рукой поэта, а одним из позднейших текстологов и кляксологов, работавших над рукописями Пушкина.

Блошкин основывается на расчете угла падения кляксы и траектории ее полета с кончика пера на бумагу: при писании гусяным пером, каким пользовался Пушкин, клякса, срываясь с кончика пера, имеет более плотную массу и шлепается густо на бумагу, почти не разбрызгивая чернил.

При писании стальным пером клякса, легко отделяясь от кончика пера, летит по параболе, она значительно менее плотна и легко разбрызгивается.

При тщательном сличении двух, посаженных в углу страницы 74-й клякс, кляксы А и кляксы Б, Блошкин заметил около кляксы Б четыре брызговых точки, явно слетевших со стального пера, т. е. позднейшего, после пушкинского пера.

Что же представляет собою непрочтенное слово? Независимо от клякс, слово, состоящее из четырех-шести букв, носит следы многократного перечеркивания.

П. И. Серячковский утверждает, что ему удалось прочесть две средних буквы в слове — это „си“.

А. А. Пюре, посвятивший последние годы своей научной работы исключительно прочтению первых двух букв зачеркнутого слова, склонен читать их как „но“.

Таким образом, дружными усилиями пушкиноведения удалось в непрочтенном слове поэта расшифровать ориентировочно четыре буквы: „носи“ (те?)

Впрочем, существуют сильнейшие различия. Так, П. П. Сардинкин читает не „носи“, а „звез“, полагая, что последние две подкляксовые буквы это — „да“, а все слово звучит как „звезда“.

Однако Д. И. Заумовский-Заумилло, пользуясь своим методом различения поднадперечеркнутых слов, читает первые четыре буквы как „миле“, полагая, что подкляксовой может быть только одна буква, а именно „й“, и все слово, таким образом, звучит как „милей“.

В заключение два слова о бумаге страницы 74-й пушкинской тетради.

Бумага пониженного качества, так называемая „пятидесятипроцентная“, с розовыми прожилками, средней плотности, довольно гладкая. По краям страницы — легкая желтизна.

4

Н. В. Капустин

ЩЕЙ ГОРШОК...

(Опыт кулинарного анализа)

В приложениях к „Онегину“, в главе „Странствие Онегина“, в строфе XVI, в последних двух строках читаем:

Мои желания покой,
Да щей горшок, да сам большой...

В 20-х годах прошлого столетия, к которым относится написание „Евгения Онегина“, щи были в большом ходу.

В александровскую, а затем и в николаевскую эпоху существовало несколько видов щей, упоминающихся в дошедших до нас меню ресторанов и трактиров, а также частных барских и небарских домов.

Это были щи ленивые со сметаной, так называемые свежие щи, кислые щи, щи суточные и т. п.

Что же такое щи?

Владимир Даль определяет щи как „похлебку мясную или постную из рубленой и квашеной капусты“. Если капуста заменяется свеклой, то щи превращаются в борщ.

Какие же щи имел в виду поэт в „Странствии Онегина“?

Надо полагать, что самые обыкновенные кислые щи. И вот почему.

По записям самого поэта „Странствие Онегина“ частично написано им в селе Павловском Тверской губернии, где он проживал в октябре 1829 г.

Учитывая неурожай свежей капусты по Тверской губернии в 1829 г., следует признать, что поэт питался щами из квашеной капусты, т. е. кислыми щами, отсюда и образ — „щей горшок“.

Заканчивая эту небольшую публикацию, мы считаем своим долгом выразить глубокую благодарность поварам первой руки фабрикухонь № 1 и № 4 — Картошкину и Лучкову, снабдившим нас исчерпывающим материалом по современным щам, а также историку-кулинароведу С. С. Борщеву, указавшему нам на неурожай свежей капусты в год написания „Странствия Онегина“.

КРАТКИЙ УЧЕБНИК ЛИТЕРАТУРЫ

Составили: Иванов, Сидоров, Петров и
Семенов

I

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНО НАМ ИЗУЧАТЬ КЛАССИКОВ

Классики прошлого дают нам художественные картины жизни бездельников — помещиков и самодуров, которые занимались бездельем, пьянством и барством в своих имениях.

Только небольшая горсточка дворян-землевладельцев помимо крепостного права занималась также постройкой фабрик и заводов, где эксплуатировала своих крестьян.

В свободные от эксплуатации часы эта горсточка читала книги и занималась литературой.

Из среды этих более или менее терпимых помещиков-дворян и вышли так называемые классики XIX века.

Классики писали прозой и стихами, в которых давали художественные картины проклятого прошлого.

Приводим краткие необходимые сведения о важнейших классиках XIX века.

Гоголь Н. В. Мелкопоместный писатель и землевладелец на Украине. В своих ранних произведениях дал нам ряд картин помещичьего быта в бывшей Полтавской губернии, с его ленью, склоками и барством.

Впоследствии писатель вышел за пределы Полтавской губернии и стал описывать быт помещиков-крепостников и царских чиновников всей России.

В образе Чичикова Гоголь дал типичный образчик торгово-промышленного авантюризма на базе крепнущего капитализма николаевской эпохи.

К концу своей жизни Гоголь стал верить в бога, на каковой почве сжег свою рукопись и умер от недоедания в Москве.

Лермонтов М. Ю. Любимый внук крупнопоместной старухи-дворянки Арсеньевой. Ведя с малых лет рассеянную жизнь барчука, Лермонтов обучался в дворянском пансионе в Москве. В своих стихах он восторгался преимущественно кавказской природой, не вдаваясь глубоко в естественные богатства края и смотря на дикую природу типичными глазами тоскующего дворянина-одиночки, что вполне соответствовало продолжающемуся распаду крупного дворянского землевладения.

На 27-м году жизни, подравшись на дуэли с мелкопоместным дворянином Мартыновым, Лермонтов был убит на личной почве. (Мещанская склока.)

Некрасов Н. А. Ярославский помещик и предприниматель (издавал журнал „Современник“), а также и поэт.

Ведя рассеянный дворянский образ жизни (играл в карты по ночам), Некрасов тем не менее в своих стихах выступал на защиту трудящихся.

Пушкин А. С. Гениальный сын старинного дворянина-помещика, оставивший нам в романе „Евгений Онегин“ ряд высокохудожественных картин и образов интимной помещичьей жизни, в период становления капитализма на базе замены барщины оброком и дальнейшей пауперизации крестьянства.

В „Пиковой даме“ Пушкину удалось яркими штрихами показать разложение стародворянской семьи, основанной на рабовладельческом хозяйстве, в лице типичной старухи-самодурши, так называемой „пиковой дамы“. Одновременно в образе Германа дан образ военного чиновника-разночинца на заре первоначального накопления.

В „Капитанской дочке“ и в „Пугачевском бунте“ А. С. Пушкин удачно обрисовал кризис царизма на фоне разорения крестьянских масс. В то же время в трагедии „Борис Годунов“ дана художественно запоминающаяся картина загнивания боярского общества конца позднего феодализма.

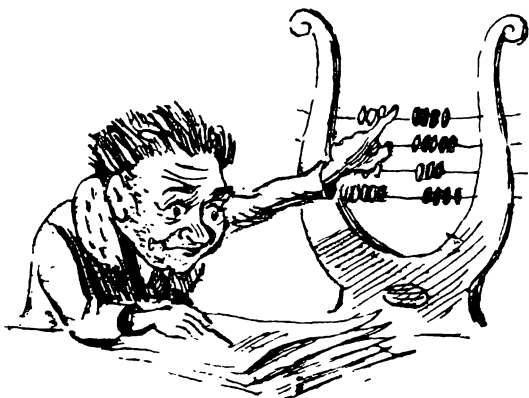
Наконец, в своих лирических стихах и эпиграммах Пушкин в высокохудожественной форме (знаменитый пушкинский стих) вос-

певал преимущественно женщин своего класса, а также красоты современных ему помещичьих усадеб и интимные переживания их владельцев, к которым он принадлежал сам.

Тургенев И. С. Крупный землевладелец, а также и писатель. Создатель знаменитых помещичьих романов, как то: „Дворянское гнездо“, „Рудин“ и т. п. В своих романах Тургенев талантливо описывал близких ему по духу дворян и дворянскую природу того времени с позиций крупнопоместного либерализма.

Фет А. А. Типичный крепостник эпохи упадка. Впоследствии довольно крупный лирический поэт. Долгие часы помещичьего безделья Фет тратил на писание звучных стихов, в которых воспевал красоты среднерусской природы черноземной полосы, оставаясь в рамках узкого кругозора собственника.

Фет преимущественно описывал свой обширный земельный участок, его травяной и древесный покров, жизнь пернатых („Шопот, робкое дыханье, трели соловья...“ и др.), а также атмосферные явления своего времени („Повиснул дождь, как легкий дым“ и др.)

В садах
ЛИТЕРАТУРЫ.

ОСЕННИЙ СОН
(Баллада)

Был воздух осенний прохладен и мглист,
И очи усталый смежил романист.
Тогда прямо с полки, сквозь полночь и
тьму,

Герои романа явились к нему.
Уселись суровые гости вокруг, —
В очах романиста зажегся испуг:
— Ужели вам тесен, друзья, переплет?
Зачем вы ночной совершили налет?
Я сам породил вас, как сказочный маг:

Люблю с вами встречи на лоне бумаг,
Но здесь, извините, не место, не час!..
Тут рывкнул в сердцах героический бас:
— Вот в том-то и дело, что в жизни нас
нет,

Что стал нам могилою твой кабинет, —
Смеется читатель, не ставит ни в грош,
А ты-то, писатель, родитель, хорош!
Откуда, скажи нам, нас в книгу

собрал?

Мы скоро объявим всеобщий аврал:
Никто в нас не верит, не любит, не

читит:

Фальшивый герой никого не манит.

— Какой я колхозник?

— А я тракторист?

...Загнув одеяло, дрожит романист...

Тут девушка встала, и слезы в очах,

И горечь страданья в суровых речах:

— Я замуж не вышла — и лишь потому,

Что мне на работе любовь — ни к чему.

С утра умиляюсь при виде телят,

И лозунг за лозунгом шпарю подряд.

Наряд мой суров, аскетичен мой лик.

Не ты ль мне привесил суконный язык?

Любой героине обидно вдвойне:

Ведь девушек славных немало в стране,

Но в книгу не лезут, на стол не идут, —

В романах хиреют, а в жизни цветут...

.

Пропел, как обычно, дежурный петух,

И пламень протеста мгновенно потух.

С упреком взглянув на широкий диван,

Герои уныло... полезли в роман.

Писатель проснулся... Покой. Тишина...

Три части романа стоят у окна,
В обложках с цветами заморских полей,
И каждая часть — восемнадцать рублей.

РОВНО В ПОЛНОЧЬ

(Баллада)

Спустилась на землю полночная мгла,
Старуха-уборщица ключ унесла,
И в зале читальном, где фикус засох,
Послышался долгий, томительный вздох.
На полках — затишье, покой и уют, —
Вполголоса книги беседы ведут.

— В чем дело? — изящный спросил
полутом. —

Пять лет, как я маюсь в безделье пустом,
Но точно в насмешку мне из году в год
Дается такой же ненужный приплод, —
И вот — шесть изданий на полке

подряд —
Стоим мы, вперяя в читателя взгляд.
Взываем заглавьем на всех корешках,
Но... всё мы — на полке, а не на руках!
— Я вас понимаю: тираж ведь —

обман, —

Сказал посеревший от скуки роман, —
Писатель ликует: мол, вышел в народ,
А нас здесь и в руки никто не берет...
Вот, видите, слева на полке — она,
Зачитана „в доску“, стоит „Целина“...
Какой утомленный, но радостный вид!
Дождется утра лишь и — снова сбежит...
Живется Чапаеву, ей да Петру, —
Встречаешь их редко, и то — поутру.

А „Как закалялась“? Ведь это ж
скандал:
 Ни разу на полке ее не видал!!!
 — Да, друг мой, усталый, страдающий
брат!
 Когда б удалось нам сходить в Литиздат,
 Когда б перед тем, как писать договор,
 На нас обратил бы он трепетный взор...

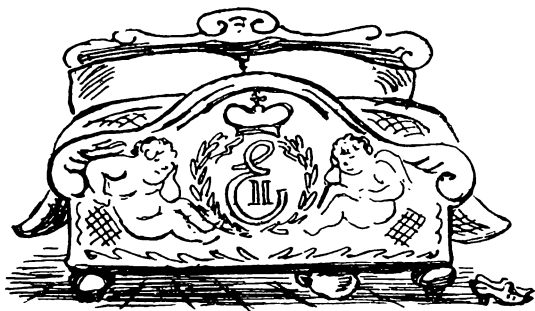
 Вползала на книжные полки заря —
 Умолкли романы, рожденные зря...
 И снова вокруг, — равнодушия лед:
 Унылая полка... Тугой переплет...

ИНТЕРВЬЮ С БЕССМЕРТНЫМ

Сидит бессмертный и великий,
 Листает книжку невзначай...
 На столике — печенье, чай,
 Давно умолкли славы клики, —
 Великий скучен, желчен, сер:
 Талант отцвел, остались будни,
 Но... перед ним сидит сотрудник,
 И надо зазвучать для „сфер“.
 Он со значительной миной
 Дает большое интервью
 И, уподобясь соловью,
 Блестящей трелью соловьиной
 Программу „щелкает“ свою:
 — Пожалуй, к маю не успею
 Свою закончить эпопею,
 Она замыслена едва,
 Но будут найдены слова
 И люди новые,

И чувства!
Мы зачинатели искусства —
Прозаик, драматург, поэт —
Масштабно мыслим в свете лет:
Я, например, весь пыл таланта
Отдам „трилогии ума“ —
Эпохе до и после Канта,
Она волнует и весьма...
Животноводство взяв за базу,
Включаю мериносов в план,
Рыболовецкие рассказы
И свиноводческий роман...
Коснусь я транспорта в новелле,
К зиме Кузбасс отобразу,
Наметил повесть о Растрелли,
В которой пять эпох свяжу...
Готовлю розыски фольклора,
Античный изучаю стиль,
Пишу для речевого хора,
Замыслил крепкий водевиль...
Кино — вот фронт преблагодарный, —
Приветствуя в кино зарю,
И я впрягаюсь в воз сценарный:
Два фильма массам подарю...
Вот вкратце все мои заданья,
Надеюсь, что поспею в срок.
Привет. Прощайте. До свиданья.
Прошу — пришлите номерок!

Ушел сотрудник в умиленьи:
Стол... Книги... Планы... Благодать!
Читатель будет верить, ждать
Великих пламенных творений,
А сам великий — в размышленьи:
Ну что ж еще переиздать??!

Я ИМЕЮ ЕГО НЕ ЗНАЮ
(ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН.)

I

РОМАН АЛЬКОВНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ

(Фрагменты)

Екатерина, худощавый подросток прусской крови, со слабо-сформировавшимся бюстом, лежала в спальне и сжимала себя самое в объятьях.

Перина была из лучшего французского пуха и пера.

Но ей не спалось на тысячной перине, в то время как санктпетербургский плебей получал в сутки за очистку воза пуха и пера полторы копейки ассигнациями на перинном дворе.

Пять часов пополуночи.

Шелковые драпри чуть колышутся над альковым.

Французский шелк „драпри-ассорти“ котировался на Лионской бирже от 10 до 50 рублей аршин. А большой кусок дерюжины или сермяжины стоил пятак серебром.

Март. Санкт-Петербург.

Ложе.

За окном падает снег влажный и мягкий, как двухдневная простокваша.

Кровь стучит в будущей императорской голове.

Пуд говяжьих голов стоил на рынке полтора алтына, с доставкой на дом.

Без стука, плавно покачивая еще упругими бедрами, вошла императрица с большим мягким животом и пухлыми руками с ямочками. Ее ножки были изящны. На пухлой груди поблескивало колье.

Пуд свежих телячьих ножек для студня стоил не свыше тридцати копеек с упаковкой, а приличное парижское колье от 100 до 150 тысяч золотом.

Словно каменный статуй Венус, высилась в петергофском гроте еще не старая императрица и пожирала глазами молодого Петеньку.

Августейшая грудь ходила, как окян-море в бурю.

Над гротом, бесстыдно хихикая, нагишом всходила луна, а у грота стоял бывший августейший хахаль, Разумовский, и со

злости покусывал изящный набалдашник слоновой кости.

Пуд индийской слоновой кости стоил франко-Гамбург 500 тысяч, а пуд местной ливерной колбасы от силы — четвертак.

II

РОМАН ИЗЫСКАННО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ

Императрикс надела праздничную распашонку с аржамантом лионского велура, подбитую фламандским пухом, поверх голландского комбинэ с кружевами, подарок принца Оранского, и уселась на стул Луи Каторз подле фенстера, выходящего на флус-Неву.

Императрикс раскрыла вольтеров шестой том в желтом сафьяне с инкрустациями, но третья глава „Кандида“ ее не увлекла.

Коварные происки султана турецкого Мустафы, зона Мухамеда Третьего и королюса французского Луи-Август-Мария Пятнадцатого занимали императрикс.

Позвонила в колокольчик тончайшей парижской работы Верни-Флэр, дискретный подарок Дюка Д'Орлеан. Вспомнила Дюка и взялась рукою за сердце. Пальпетация под корсажем зело чувствительная. И вижаж — бледный, как тогда на балу в Парадизе. Медленно ступая по ковру тонкой ручной работы, подарок шахуса персидского, вошла фрейлина медхен-графиня Шувалова третья, обнажив в улыбке желтые лошадиные зубы (в шестисотлетнем

роду Шуваловых --- зубы лошадиные, и нижняя челюсть зело вперед выдается).

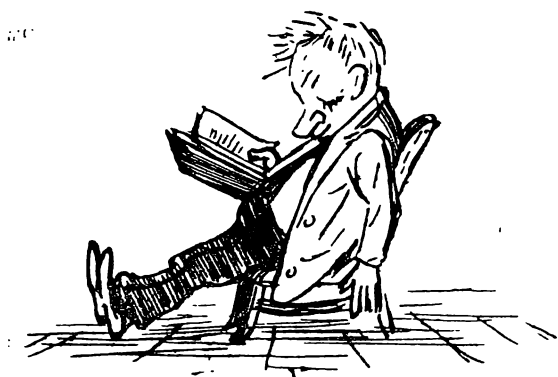
— Позвать графа Румянцева!

Командующий 2-й российской армией, действующей против султана турецкого, в районе левых притоков Дуная, граф Петр Александрович Румянцев, одетый в мундир тонкого зеленого французского сукна, мягко ступая ботфортами прусской работы, вошел в шлаф-циммер-опочивальню и склонился к руке императрикс.

На верках Петропавловской цитадели ударила одна из канонен. На настольном календарусе, голландским купцом Иеронимом Вангутеном подаренном, была пятница, 7 февраля 1772 года.

...И В ЧАСТНОСТИ

ПРОЗА

Юрий Герман

МОЯ ЗНАКОМАЯ (Антонинография)

Она проснулась, когда было еще темно. Она полежала немного на спине, поеживаясь под одеялом, потом повернулась на бок, потом — на живот, потом на другой бок и — зевнула. Она сладко зевнула один раз, потом другой. Ей стало легче. Она зевнула в третий раз и стала думать об Иване Ивановиче, о Грише, о Петре Степаныче и о своей жизни.

Было немного грустно, как всегда, когда думается о прошлом.

Гудели гудки, пели сирены, за окном падал снежок.

Ей стало легче, как всегда, когда падает снег.

Она быстро оделась и без чая вышла на улицу.

Была поздняя осень, которая всегда наступает после ранней осени.

Было холодно. На улицах стояли большие лужи. По обе стороны мостовой стояли дома.

Она шла быстро, смотрелась в лужи, и ей казалось, что она смотрит в свое прошлое. Она шла все быстрее, и ей становилось все лучше, как всегда становится, когда идешь по улице... Ей было приятно сознавать, что она дышит воздухом, что вот идет она, одетая в демисезонное пальто и новые ботинки.

Было радостно ощущать себя в хорошем драповом пальто с пуговицами из пластмассы.

Она улыбнулась и пощупала драп на плече.

Драп был мягкий, ворсистый, чуть подернутый инеем.

Ей стало весело, как это всегда бывает, когда думаешь о демисезонном новом пальто.

Она машинально потрогала пуговицы.

Пуговицы были гладкие и холодные.

Она поежилась и спрятала руки в карманы. В карманах рукам было уютно. Карманы были из фланели. Грели руки. Ей стало тепло.

Она пошла быстрее, продолжая думать о Карпе Сигизмундовиче.

Ей казалось, что она не идет, а летит бреющим полетом, едва касаясь земли.

Хотелось улыбаться левым краешком губ и тихонько, про себя напевать арию Татьяны „Я вам пишу, чего же боле...“

Она вспомнила, как в прошлом году ходила в театр с Евграфом Кузьмичом и Соней. Пел Печковский, и в антракте она много смеялась и ела эскимо.

Ей стало грустно, как всегда, когда вспоминается какая-нибудь лирическая ария.

Ей тоже захотелось писать письма Евгению Онегину, при оплывающих свечах, и заливаться слезами над листком почтовой бумаги.

Навстречу ей стали часто попадаться люди с портфелями и серьезным выражением лица, какое всегда бывает, когда ходишь с портфелем.

Ей до боли захотелось чаю с сахаром и сладкой булкой, но надо было зайти в кооператив за картошкой к завтраку.

Она решительно тряхнула головой, как всегда делала, когда принимала решение, и вошла в магазин.

Василий Гроссман

М У Ж

В комнате пахло чем-то кислым, напоминавшим кислые перебродившие щи, которые в медных котелках подогревают на

захолустных узловых станциях к приходу почтового поезда.

Зайцев положил салфетку на стол, опрокинув резким полувоенным жестом солонку с крупной бледносерой солью на скатерть.

Потом встал из-за стола и отодвинул гнутый венский стул.

Елена Петровна — Леля — его жена — сидела напротив. На ее радужной оболочке медленно прыгали усталые зайчики от качающейся 150-свечной лампы.

„Какие у нее скулы!“ — привычно подумал Зайцев, и его привычно засосало под ложечкой.

Ему казалось, что небольшой пневматический насос на электрическом ходу неумолимо высасывает из него, Зайцева, сидящего ревматика, еще не знавшего любви, всю молодость и счастье.

Елена Петровна сидела прямо, как станционный семафор, и своими двумя коническими пальцами, столь знакомыми Зайцеву за эти двенадцать лет, со всё возраставшей нервной катала смуглые хлебные шарики из пеклеванного теста, теплые как двухнедельные котята.

— Я иду на заседание! — медленно выдавил из себя Зайцев, и мутная капля человеческой лжи, как капля виноградного сусла из-под давяльного пресса, тяжело выкатилась на поверхность его жизни.

Стараясь не смотреть на отблеск чужих зрачков жены, Зайцев быстро оделся и вышел из дому.

Он шел в криво надетой фетровой, обвисшей как заглохший сад, шляпе и шерстяными боками задевал прохожих.

От женщин пахло пудрой „Рашель“ и осенними листьями, мужчины отдавали смесью резиновых калош и двухрублевых папирос.

Два воробья яростно дрались на случайном лошадином навозе, тускло поблескивающим на асфальте Кузнецкого моста. Зайцеву показалось, что это — воробьи его детства, синего как хрусталь Фарфор-треста.

Он остановился перед витриной.

„Надо бы купить водочные рюмки“ — вкусно подумал он и жадно засопел угреватым, в склерозных прожилках, носом (он любил граненое стекло), но тут же вспомнил широкие, упрямые скулы жены и всю свою неуютную с ней жизнь...

Зайцев быстро повернулся и зашагал к трамваю.

Михаил Зощенко

РАЗНОЦВЕТНАЯ КНИЖКА

Утомленная крестовыми походами история выкомаривает различные штучки.

Она выкомаривает, куриная морда, эти свои загогулины, возвышая одни маловысокохудожественные личности и с легкой усмешкой сбрасывая другие, что неправильно.

Рассмотрим некоторые забавные случаи из частной жизни этих подозрительных исторических субъектов.

Книга первая. Верность

Сидела в своем доисторическом античном Жакте некая Пенелопа и чего-то там не то вязала, не то штопала.

Может, она носки штопала своему ненаглядному Одиссею или там салфеточку на письменный стол.

Только была она безуспешная полувдова на распутьи. Ее законный супруг шлялся по заграницам, а женихи, между прочим, напирали.

Они напирали шумной доисторической толпой справа и слева и на древнегреческом языке объясняли несознательной женщине, что, дескать, все сроки кончены и нечего вола вертеть.

Но Пенелопа — ни в зуб ногой. И осталась доштопывать носки, соблюдая верность своему Одиссею.

Книга вторая. Мужество

Жил такой римский оратор Цицерон. Видный из себя шатен.

Речи произносил. Придет бывало в сенат и давай чесать по-латыни.

Однажды встал это он с места, полный такой мужчина с римско-католическим профилем, сам в тоге, а лицо — бритое.

Поглядел на своего врага, некоего Катину, и говорит сочным баритоном:

— До каких пор ты, собачий сын Катилина?.. и т. д.

Однако Катилина как римский гражданин ничуть не испугался и говорит:

— Пущай он мене грозит, а я пойду и подниму восстание.

Восстание потом было подавлено, а самого Катилину кокнули. Не выгорело.

Вот что значит мужество.

Книга третья. Любовь

Александр Македонский обожал своего жеребца по имени Буцефал.

Он берег и лелеял эту легендарную лошадку, воспетую поэтами и животноводами своего времени.

Однажды не то в Персии, не то в Аравии, чорт их разберет, одним словом в знойной пустыне Буцефал стал понемногу окочевать.

Он стал медленно таять, как свеча среди желтых песков, задумчиво шевеля травоядными губами и прося пить из хозяйских рук.

Испив воды, этот царский жеребчик дрыгнул задними конечностями и сдох.

Великий полководец Александр Филиппович Македонский, совершенно забыв свою историческую роль, упал на лошадиное брюхо и зарыдал как дитя.

Он рыдал и плакал, окруженный пышной свитой, и требовал, чтобы его похоронили вместе с дорогим покойником.

С трудом придворные оттащили безутешного царя от падали и закопали Буцефала в песок.

Оправившись, Александр завоевал полмира и еще что-то там такое, точно не припомню.

Он скапутился у себя дома в довольно непожилом возрасте и свалился с катушек не то от гриппа, не то от насморка. Не установлено. Тогда медицина прихрамывала на обе лопатки.

Так проходит любовь.

Мих. Козаков

ФРАГМЕНТЫ БОЛЬШОГО ПОЛОТНА

I

... Он бросился за ним в коридорчик между ванной и уборной, но ловкий шпик успел захлопнуть дверь в ванную перед самым носом...

Остались в складках памяти только распечатанные губы, отстегнутый нос и разнузданный лоб в угрях.

II

... Петя чувствовал наступление чего-то радостного.

Он незаметно для себя и окружающих волновался той южной чувственностью, которая была свойственна его семье в моменты, когда Агния Петровна в узкой юбке

проходила мимо его карих с поволокой глаз и ее икры в шелковых чулках едва заметно терлись одна о другую. Он был на грани счастья.

III

... Подозрительная бекеша промелькнула на перекрестке и вскочила в прицепку. Только мельком Степан Сигизмундович успел заметить зуб со свистом в нижней челюсти и почерневшую коронку — в верхней, да нос изюминкой и вывороченные ушные мочки.

Его жадная память напряглась как стальной трос, брови мучительно сморщились:

Где, где он видел эти уже ставшие для него роковыми вялые мочки с прожилками?

IV

... В роскошной гостиной зеленоватых, блеклых тонов Луи шестнадцатый с инкрустациями и золотым бордюром разносили кофе с шартрезом.

Известный провинциальный присяжный поверенный, красавец и красобай, рассеянно размешивая сахар в чашке, долго и плавно говорил о Государственной думе, об ответственном министерстве, о жизни, о любви, любуясь своим бархатным лирическим баритоном, постепенно захватывающим аудиторию. Речь адвоката текла легко и изящно, слова стройно слетали с его вишневых, влажных, расстегнутых губ под

роскошными усами и проседью. Было радостно ощущать себя присяжным поверенным, баритоном и любимцем женщин.

Оратор, чувствуя, что его серый в клетку английский костюм плотно охватывает его мускулистую молоджавую фигуру, скользил взглядом по местным дамам, продолжая подвергать беспощадному анализу развал правительства и режима.

V

...Гости сгрудились в кабинете у стены, покрытой гобеленом.

На гобелене был приколот лист бумаги.

На листе таинственно мерцали черным по белому:

?! . . . ?!
. . .

Молодой, серебристо-искристый девичий голос звенел запальчивым гневом:

— Господа, не бойтесь девяти точек! Смело хватайте карандаши и проводите ваши линии. Стройте равнобедренные треугольники! Выносите точку за скобки!

Темно-алые тяжелые портьеры вспыхивали в лучах электрического света.

Было тепло и уютно...

Хотелось думать о конституционной монархии, о женщинах, об ответственном министерстве...

Еще не точка, пипль-попль!

(Продолжение следует)

ДВА ТЕНОРА — ОДИН Я

Старый тенор Баклушин жил весь в этом белом как мрамор рояле с инкрустациями. Чудо гармонии, как губы любимой женщины, раскрывалось ему в прошлом, как бабочка-мотылек раскрывает навстречу солнцу свои лазоревые крылышки.

Бывший тенор ди-грация и неплохой человек в прошлом зачерствел в своем восьмиэтажном доходном доме стиля модерн с лепными фигурами, как вчерашняя французская булка на полке булочной.

Ленинград, эта Северная Пальмира, чихал, сморкался и кашлял от Дворца кисти Растрелли до Волкова кладбища, задыхаясь от погодки, сырой как слезы нелюбимой, покинутой женщины. Несмотря на дурную погоду, в Консерватории, в этом четырехэтажном гнезде гармонии, усиленно и любовно чирикали фаготы, прополаскивали горло валторны, щебетали виолончели, похожие на чье-то истомленное и изогнутое тело...

Неперестроившийся молодой тенор Лавровишнев сидел в кафе „Астория“ и мешал серебряной ложечкой, похожей на верхнее си-бемоль, кофе по-варшавски, до боли напоминающее кофе с густыми сливками, сладкими как первый поцелуй в яблосневом саду весной, когда рдеют закаты и мреют девичьи незрелые губы...

„Что им надо от меня? — мучительно размышлял Лавровишнев, бережно ополаскивая струей кофе драгоценные связки своего

тенора. — Разве я не взял вчера в Филармонии верхнего до? "

Он не знал, что за эти годы зрительская масса значительно выросла и одним верхним до ее было не взять.

А чувство Елены к нему растаяло, как дымок от сигаретки. . .

Горечь в сердце тенора трепетала, как вуаль на лице любимой женщины в предзакатный час июньского вечера, когда поют свирели любви и цветут поцелуи, как ландыши в густой траве, похожей на зеленые изумруды зрачков любимой.

Елена играла до-мажорный этюд Скарлатти, стройная как испанский камыш на побережье Средиземного моря, лазурного, как небосвод, напоминающий огромный, голубой купол, похожий на морскую лазурь Средиземного моря. . .

Лавровишневу допил кофе и стал медленно перестраиваться, голубея и рдея в душе, по-новому переживая „Куда, куда вы удалились“, неосознанное им вчера в Филармонии.

Инкрустации. Шопен. Лист. Чайковский. Фиоритура. Клавиатура. Колоратура. Бах. Брамс. Узкая талия. Стройные бедра. Бэкар. Диэз. Горячая женская близость. Бемоль. Фляжолетт. Тремоло. Невысокая девичья грудь. Стаккатто. Легато. Соната Аппассионата. Бетховен. Неуловимый запах духов из стройных подмышек. Этюд. Прелюд. Симфоническая поэма.

О, если бы все красивые, изящные слова мира можно было вкатить в один роман!

Старичок был цвета чайной увядающей розы с синими прожилками на височках, с куриной головкой и глазками пожилой мыши.

Он истекал возрастом, впадая в пустоту бессильной старости его поколения восьми-десятников.

Сидя на кряжистом, сучковатом бревне, чуть тронутым синей гнильцой, он мечтал, буравя мышинными глазками свое прошлое под помещичьими вязами, и тихонько похихикивал небритым горлышком цыпленка в стоячем крахмальном воротничке, пожелтевшем под искристой пудрой нафталина в сундучке, изнутри оклеенном обоями в аленьких с желтенькими цветочках.

Таким именно представлял себе Иллиодора Дормидонтовича сам Сушилов, лежа в жаркий июльский вечер на подоконнике двенадцатого этажа дома для полит-ответ-работников.

Сушилов выглядывал из окна и мучительно всматривался в свою биографию.

Внизу жадно и неуверенно целовалась влюбленная парочка, а листья его жизни падали бесшумно. Он был на исходе.

Кожа на лобных костях подсыхала и выветривалась, поясницу буравила ноющая боль человека, никогда по-настоящему не любившего, — хотя прожил с женой двадцать три года, — не израсходовавшего

и одной десятой своих сил на неизбывную женскую ласку.

Будучи героем романа, Сушилов шел по нему стыдливо, бочком, каким-то краешком сознания пятидесятилетнего мужчины, впутанного в многолинейный сюжет, с фронтовым сыпняком за плечами, с чувством усталого человека, поясницу которого грызет неизлечимая угроза близкого увядания.

2

Тем не менее между припадками Сушилова мы путешествовали по шпалам истории в ближайшее столетье, весело отшвырнув логику и здравый смысл.

Сразу за гранью разума начинался наш буйный, цветущий бред, охватывающий оба полушария, когда одноглазый вел свои ракетные линкоры на третьем газу на скрещении с междупланетными квадрильями „Четырехугольных“, наступающих от Полинезийского радиуса к центру европейской окружности, помноженной на квадрат диаметра.

Гипотенуза мира накалялась. Ее катеты пылали метеорами взрывов.

С треском и грохотом лопались последние уцелевшие державы и державки, рассыпаясь осколками во вселенной.

Смысл сгущался с каждой минутой до полнейшего тумана, в котором сочными гроздьями прошлого века висели мы с Сушиловым на магнитных гигантах-мухоловках цветущего окиян-моря, а радиопушки пле-

вали в нас мусором эпохи, наподобие озорных мальчишек 30-х годов прошлого столетия.

3

Свежий воздух путешествий не помог Сушилову.

С трудом переплыв полноводный океан в тридцать два печатных листа и только изредка показываясь над водой, Сушилов тихо скончался от карциномы левого клубочка правой почки, оперированной лучшим хирургом столицы.

Смерть наступила при явлениях паралича сердца.

Хоронили скромно.

Моросил дождь, и большинство шедших за гробом было в галошах.

С. Марвич

ГУСИ, ВЕНЕРОЛОГИ И СОБЫТИЯ

Глава ...надуатая, в которой подробно рассказывается о сапогах бутылками, о паровозе серии „Щ“, а также о том, сколько копеек содержится в одном рубле и как пахнут поджаренное гусиное сало с луком

К вокзалу Николаевской железной дороги в г. Санкт-Петербурге в 7 час. 54 мин. утра по пулковскому времени подошел небогатый и недалекий поезд в составе восьми вагонов третьего класса, одного багажного и паровоза серии „Щ“.

Из заднего вагона вылез чернобородый человек с сочными вишневыми губами,

в сапогах бутылками — из тех, которые носили средней руки рядчики, отставные ветеринары и сидельцы винных лавок.

Автор видел много сапог в жизни. Иные были с подборами, иные пахли козлятиной и имели шоколадный оттенок по борту голенища. Еще в прошлом году в небольшой и тесной комнате автора, под кроватью, помещалась пара крепких запасных подметок из бычьей кожи на спирту.

Однако осенний петербургский день светлеет. Публика быстро расходится по перрону, сделанному из досок мелкой распиловки.

Чернобородый подходит к газетному киоску, вынимает порыжевший кошель с медной застежкой, покупает свежий номер „Петербургской газеты“ и, сдав газетчику бумажный рубль, получает 95 копеек сдачи серебром: три пятиалтынных, пожелтевших от времени, и один полтинник 1898 года.

За спиной чернобородого — гуси.

Автор в пору своей юности много думал о том, отчего быстро жиреют эти большие и глупые птицы и как вкусно пахнет поджаренное гусяное сало с луком.

Чернобородый скрывается в воротах одного из домов по нечетной стороне Пушкинской улицы, ближе к Кузнечному переулку.

Утро. Невыспавшиеся дворники с сивыми бородами, в которых застрял репей, метут улицу. Ранние псы задумчиво останавливаются у фонарей и поднимают заднюю ногу.

Глава . . . дватая, в которой рассказывается о том, что скрывалось за вальсом „На сопках Манчжурии“, о венерологе, которому исполнилось тридцать семь лет и шесть месяцев, о его жене, которая только что проснулась, о том, как пьют чай с сахаром, а также о том, излечим ли аппендицит

В тот год земляника уродилась водянистой. Зато клюква и морошка удались на славу.

Рахиль Самойловна проснулась на широкой двухспальной кровати „Птичий глаз“ и заломила большие крепкие женские руки.

Она прислушалась. Под окном проходил полк с музыкой. Автор с подлинным волнением проигрывал вчера на рояле пожелтевший и истлевший в памяти многих вальс „На сопках Манчжурии“. В его терциях проплывали миллионные концессии на Ялу, выжженные сопки, китайские фанзы, а в квинтах финала разыгрывалась трагедия Российской империи.

Империя не уважала своих военных капельмейстеров. Вдохновенные поэты валторны и тромбона медленно угасали в Шиграх и Обояни, мучительно завидуя Бетховену и подарив миру три гопака и четырнадцать вальсов.

Рахиль Самойловна потянулась всем своим крупным телом и устала в стенку кровати.

Полировка „Птичьего глаза“ требует от четырех до восемнадцати дней, в зависимости от сухости дерева. Рецепты спиртовой смеси передаются из поколения в поколение.

Автор с детства остро чувствует свежий запах политуры и лихорадочный блеск в глазах столяра-краснодеревца, когда он, закончив работу, спешит в ближайшую пивную, зажав в руке получку.

Рахиль Самойловна была замужем за венерологом 37 лет и 6 месяцев отроду, с совершенно круглыми глазами и широким баритоном.

В первом десятилетии XX века лучшим баритоном считался Маттиа Батистини, бравший верхнее си и сводивший с ума дорогих женщин в мехах и брильянтах.

Венеролог сидел в столовой на стуле, обтянутом недорогим гранитолем в полоску, ипил китайский чай с сахаром.

В эти годы, когда еще гремел в Европе Макс Линдер, в „Аквариуме“ размахивал палочкой вундеркинд Вилли Ферреро, а во дворах шарманщики с надрывом играли „Разлуку“, — сахар продавался в синей бумаге, перевязанной бечевкой, расфасовкой от фунта и выше. Бумага была хрустящей, а на бечевке красовалась сургучная печать фирмы.

Чаем и сахаром в Петербурге главным образом торговали братья К. и С. Поповы и торговый дом „Сергей Перлов с сыновьями“.

Старший сын Сергея Васильевича Перлова, Николай Сергеевич, служил во флоте, но потом вышел в отставку и поселился у себя в имении, второй год страдая аппендицитом.

О нем-то и думала Рахиль Самойловна, уставясь большими глазами в стенку кро-

вати „птичий глаз“ в то самое осеннее утро 1913 года, когда термометр показывал в тени 4 градуса тепла по Реомюру.

Ю. Олеша

МОЕ ПЕРВОЕ МАЯ

(Фрагмент из тысяча и одной речи)

Я брожу по Москве, я ощущаю ее как серебряную арфу, в каждой струне которой звучит симфония мира. Я горжусь асфальтом Никитского бульвара, одиннадцатью с половиной километрами пути первой очереди метро, Пушкиным и Гоголем, Толстым (Львом) и Шолоховым. Я горжусь Охотным рядом с его небоскребами, уходящими в небо, троллейбусом маршрута № 2, пробегающим путь от далекой Дорогомиловской заставы до звенящего гудками Виндавского вокзала.

Я вхожу в троллейбус, полный как ощущение весеннего дня. Я сажусь против девушки. Она сферична как апельсин. Лепестки ее лица еще не раскрылись, но она прекрасна. Она держит в руках коричневую сумочку. Я горжусь этой сумочкой, сделанной руками моих современников на государственном кожевенном заводе имени Бебеля.

Троллейбус останавливается. Задержка. Я гляжу в окно. Я вижу колонны демонстрантов, стройные как пропорции Леонардо да Винчи. Я читаю знамена, реюшие над моим поколением, неповторимым как гений Пушкина.

НОРД-ОСТ

Барометр падал с ужасающей быстротой. Норд-ост гудел в проводах, подымая с земли сухую розовую пыль тысячелетий.

Капитан Стоп выбил о край колченогого стола прокуренную шотландскую трубку и сплюнул темножелтой слюной на каменные плиты, изъеденные ветрами всех румбов.

— Чорртова погодка! — проскрежетал капитан, накинул обветренный плащ, исхлестанный бурями всех морей, и вышел на набережную.

До порта было полторы мили ходу, но, дрейфуя в яростном шквале, капитан Стоп делал не больше узла в час.

Древний Понт Эвксинский, по которому бороздили триремы Афин и Коринфа, бешено рвался на город, обдавая капитана тучею горько-соленых брызг.

Стопу было сорок девять лет. Он сжал челюсть и подумал о том, что жизнь его прошла в посвистах зюйд-вест-зюйд-норда на всех океанах планеты, и ему так и не удалось изведать ни женской ласки, ни семейного тепла.

Поросшее рыжей колючей щетиной, квадратное лицо капитана горько усмехнулось, и капитан Стоп, припадая на левую ногу, ушибленную в ранней юности фок-брамстенной на Караибском море, ускорил ход.

На древних волнах Понта бешено скакали корки цитрусов, желтые как малярия

и прекрасные как улыбка субтропиков. Босоногие турки, спустив в морскую пену с борта изъеденной солью фелюги грязные коричневые пятки, бросали веселые гортанные слова на штормовой ветер, набирающий баллы с ужасающей силой.

Пахло розовой прелью, морским такелажем, свежей бараниной, кизяком и камфарным лавром.

Мир был прекрасен.

Михаил Пришвин

РАССКАЗЫ — ОЧЕРЧЕЧКИ

I

Клюквенная кочка

Если выйти из Мотылихи и взять заворот влево по мхам и болотам, мимо старой ели, что над Щучьей протокой, то молодым торфяником можно, прыгая с кочки на кочку, с пригорка на выхолмок, с выхолмка на стержень, переплывая небольшие бочажки, поймы и болотца, очень легко дойти до замечательных клюквенных мест Верхней Суземки.

Эти места показал мне лет двадцать пять тому назад Иван Дормидонтыч, ядреный такой, славный старик, обросший рыжим мхом, но крепкий, насказистый и наваристый, что уха из стерлядок, сваренных поздней весной в соловьиную ночь на Суре близ Козьмо-Демьянска: так вот сидели мы с Иван Дормидонтычем в избе, выпили три

самовара, — старик встал, перекрестился старинным двухперстным крестом и повел меня медвежьими тропками по клюкву, но только дошли мы до первой кочки, глядим — небо сизоветь начало, посмеркалось, с болот холодком потянуло, глянули на кочку — а клюква вся поклевана молодыми тетеревами.

А прежде, рассказывает Иван Дормидонтыч, места эти были чудесные.

II

Подметки и набойки

Жил на Москве за Рогожской старик Се-лифан Ерофеич, по прозвищу Шевровый Волчок, на липке сидел. Башмаки шил, — старичишка кволий, хилый, одни кости да фартук зеленый, а шил замечательно — на хозяина работал: бывало в четверг после обедни сядет за работу, в субботу к заутренне кончит. Завернет в фуляр и несет хозяину.

В воскресенье после обедни напьется, все спустит вплоть до фартука, а в четверг аккурат после обедни опять за работу: подметки и набойки делал как никто. Мужских башмаков в руки не брал: брезгую, говорил, этим полом: бывало идет по Тверской и все на женские ножки глядит. — Формой мучится.

Так и преставился, попав под трамвай в пьяном виде.

III

Ложная тревога

Когда вызвездит в первую тетеревиную ростепель, мне как-то становится не по себе и тянет в буераки, во мхи, в глухарь-

ные места, в вальдшнепник, что за большой поляной, поворота на заячью тропу, — расстояние для нас, охотников, пустяковое: километров двенадцать лисьего гона, не больше.

Не выдержал я, разбудил ребят, вскинули мы ружья и пошли до света, отмахали восемь километров, взлезли на кочку, стоим, слушаем: поет — для зяблика рано, и на овсянку не похоже — не то колено.

В самое утро благовещенья, лет девятнадцать тому назад, довелось мне в Брынских лесах, что над рекой Брынью, в бывшей Калужской губернии, слушать замечательную овсянку-самца: самец сидел на березе и с упоением, подзывая самку, выводил свое несложное коленце: „Ти-ти-ти-та, ти-ти-ти-та“, но то, что пело у кочки, в ростепель 33 года, не было овсянкой.

— Ребята, — сказал я, внимательно послушав и низко наклонившись над кочкой, — это не птица поет, это ручей под снегом.

Ложная тревога! И мы весело возвратились домой.

А. Фадеев

„ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ...“

I

Сизоватые туманы еще дремали на отрогах и отрожках, зелень распадков и расщелин еще несла на себе всю тяжесть предутренней росы, когда Николай поднялся с охапки сухой травы, заменявшей ему

постель и, вразвалку, ступая огромными вывороченными ступнями, пошел до ветру.

Ночь еще цеплялась за пади и выемки, но верхушки кедров из темнорозовых, желтея с каждой секундой, уже становились светлолимонными.

Николай размашисто, истово вымылся у ручья и, вскинув узел на плечи, зашагал по тигриной тропе, зорко вынюхивая и высматривая каждый человеческий и звериный след.

Четыре месяца прошло с той поры, как он расстался с Семеном.

Вся линия поведения Семена и командования была ему глубоко чужда и враждебна, в корне расходясь с его установкой и линией комитета, но, стараясь проводить на деле линию комитета, Николай в то же время любил Семена и жадно вдыхал запахи цветущего леса.

Он шел и шел по падам и прогалинам, чуть подернутым дымкой утренней прохлады, и думал о том, что вот ему уже стукнуло пятьдесят шесть лет, одна пуля ноет в правом бедре, другая — в левой лопатке, волосы выпадают, зрение слабеет, зубы шатаются, но жизнь прекрасна, из тайги тянет пригретой солнцем кедровой шишкой, ласково шуршит под ногой прошлогодний валежник, и где-то далеко над рекой кричат свиристели.

II

Красномеднорыжебородый гигант в лаптях Антип Савельич, обросший густым, жестким волосом, от ресниц до пяток, лежал

в распадке за кустом бузины и, сжимая в волосатых ручищах дедовское кремневое ружье, в ожидании наступления думал о том, что его жизнь прошла в труде, в поту и лишениях, что деда его и отцы плыли в муках вокруг мыса Доброй Надежды, чтобы выкорчевать обомшелые тысячелетние пни, а теперь он, Антип, бьется за новую жизнь... И вот старший сын Кондратий — уже совсем седой, но крепок как дуб, хотя и коряв.

Стало по-хорошему жаль Кондратия, который вот так же, тяжело матерясь, прожил свою каторжную жизнь, а сейчас лежит рядом с отцом за соседним кустом бузины.

Из леса тянуло теплой сыростью, высоко в небе парил ястреб, и где-то за соседним увалом гулко, по-собачьи лаяла японская пушка.

Ольга Форш

Л'ЕМПЕРАТРИС И ЛЕ МУЖИК

I

Ле мутон о-фин-зерб

Только что приехавший на перекладных из Геттингена Александр сидел за трельяжем на канapé и глядел на зело прелестный и знакомый женский локоть, который не токмо погладить, но и поцеловать хотелось.

Контраданс был в разгаре, особливо в малой гостиной, где Селизетт, стоя

у тетушкиного кресла, счастливая аркадская пастушка, задыхаясь от превеликого бонера, выпевала сквозь жемчужные зубки второй куплет „Ле мутон о-фин-зерб“ с рефреном.

Вдруг в конце второго куплета Александр вздрогнул: мысли о неустройстве государства российского „о фон“ возмутили его чистую душу, получившую дворянское воспитание.

„Сколь позорно мы молчим, когда мучительству одних соответствует жирное самодовольство других?! Доколь терпеть будем беззаконие?! Если существует вечная пречистая астральная гармония, то почто не сходит она на землю?!“

Почувствовал всем сердцем:

„Самодержавство есть не токмо бич народов, но и весьма пагубное уродство природы“.

Вспомнился канделябр „Вье Сакс“ в масонской ложе и Алексис в напудренном парике.

Захотелось пребольно личного счастья с Селизетт.

Незаметно вздохнул и стал подпевать третий куплет:

Сколь я дрожу от неги,
Воззри, мой пастушок...

II

Л'емчератрис ше суа

Плюнула на Вольтера. Вообще на философию и энциклопедистов.

Мужика испугалась.

Того чернявого, с бороденкой яицкого казака.

Сначала не верила, а сейчас шагала де-белая огромная л'емператрис всея русси в том самом пеньюаре, в котором Гришку Орлова из алькова выгнала, простоволосая...

Взывала цум Потемкин, цум обожаемый Гришутка.

Понимала все решительно!

Прежде всего надо окончательно приблизить дворянство как класс, укрепив этим экономическую свою базу как самодержавной единицы на троне.

Она не императрица. Она „сельман“ всего-навсего — скромная помещица.

Колыхалась высоченная грудь под валансьеном. Изнемогая от страсти, строчила билье-ду свой ненаглядни бегьемотик Гришенька.

А ночью среди услад сердечных, на подушках киргиз-кайсацкия орды, под отдаленный гром литавр Кучук-Кайнарджийского мира, шептала с негой в волосатое ушко диктатору:

— Твое гениальное положение о губерниях в еще большей степени, чем моя жалованная грамота дворянству, будет содействовать укреплению экономической мощи правящего класса — дворянства державы Российской.

М. Шагинян

МОИ РАЗДУМЫ

Суббота, 17. С утра — насморк, потом — Гете. Гуляла 4 часа. Пишу плохо и мало: за сутки шесть листов.

Понедельник, вторник, среда, четверг, 5—9. С утра — кофе, потом — рези в желудке. Потом — „Руководство по бетону“. В антрактах — Гете. Закончила Шекспиром. Ночью — Честертон и Диккенс. Гуляла.

Воскресенье, 30. Начала писать роман. По-моему, гениально. Ощущаю фосфор в моем мозгу. Очаровательно. С утра — флюс. Потом — Миша Слонимский (растет). К вечеру пришли А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З. А — желтоватый брюнет с монгольским выкатом глаз. Остальные — серость в пиджаках. Скучно.

Вторник, 5. Если движение — это альфа и омега формы, то что же такое форма? Днем — мигрень, потом — Гете пополам с Мишей Зоценко (очень растет). Вечером думала о Большой Медведице. Сколько звезд на небе ясном?! Послала 14 статей в московские газеты. Ни звука.

Сегодня с утра не выходит из головы формула высшей математики: $(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$. Вечером яичница из трех яиц (яйца по 12 коп. штука), потом Гете.

Вторник, 31. Лермонтов. Снежные горы вокруг. Рисовая каша с молоком. Персики (30 коп. штука). Пишу отвратительно. Фосфор на исходе. Приехал Боря. Проговорили 18 часов 39 минут. Он верит в бога, а я нет. Поздно вечером кисель из айвы и хорошая порция Шекспира. Какое богатерское перо!

Познакомилась с Чуковским (отцом).

Ночью — страшные сны: Шкловский, Бабель и наш покойный сторож Ахмет.

Четверг, 14. Совершенно случайно узнала, что балык — это рыба! Странно...

Илья Эренбург

ЕДИНЫМ ДУХОМ

I

Чудный летний вечер был прозрачен как старинный хрусталь.

Девичья песня, чаруя, плыла над могучей рекой.

По реке плыли экспортные бревна, пропсы и балансы.

Коля занимался сплоткой на запани и думал.

Что он делает? Правильно ли он живет? Почему Тася тогда, в тот душный вечер, внезапно отошла от окна и заплакала? В комнате было темно, и только Тасина батистовая блузка смутно белела в углу.

Зачем он ее оттолкнул? Но почему она сама ему не сказала тогда вечером, на лужайке у бревна, что ее тетя — дочь подкулачника? А он? Что ему подсказала его комсомольская сущность? Правильно ли он оттолкнул ее, не расспросив как следует о тете, не заглянув по-человечески в ее теплую девичью душу?

II

Сильно загоревшая, похорошевшая Тася за двадцать километров от Коли плела по-ударному вицы на другой запани и тосковала.

Правильно ли она сделала, что напросилась в командировку? Думает ли Коля о ней? Любит ли? А если любит, то почему он так нечутко подошел к ней и к тете, старой ударнице и бригадиру, трижды премированному? Вспомнились Колины жаркие теплые глаза. Больно сжалось сердце.

Тася склонилась еще ниже над лицами, и крупная хрустальная слезинка покатилась по ее похорощевшему лицу.

III

Санька сидел над своим проектом и морщил упрямую бровь.

Почему от него ушла Тонька?

Разве они не любили друг друга?

Можно ли любить и одновременно работать над проектом? Может у него чего-то нехватает? Надо бы полегче с ребятами. Почему она его оттолкнула? Может ли Санька любить как все?

IV

Панька стоял на берегу реки и с огромным волнением следил за плывущим подтоварником.

Панька вспомнил смуглую Марусю из четвертого барака, и у него больно сжалось сердце. Можно или нельзя ему любить Марусю? Разве у комсомольца не такое же теплое сердце, с хорошим человеческим пульсом?

Панька прыгнул на бревна и засмеялся. Он почувствовал, что живет на все сто.

Маруся вела кружок в группкоме и в перерыве вздохнула.

Где Панька? Думает ли о ней так, как она о нем? И можно ли на работе, на производстве думать о любимом, о родном?

Марусе до боли захотелось выполнять промфинплан, петь, танцевать и бегать по зеленой траве.

Сладко засосало под ложечкой.

Девушка встряхнула кудрями и бодро повела очередное занятие.

А в раскрытое окно группкома мощным потоком в сиреновом вечере неслась молодая песня—марш из „Веселых ребят“

НОВОГОДНИЕ РАССКАЗЫ

I

Алексей Толстой

БОЛЬШАЯ ЖРАТВА

Под новый тысяча семьсот ...надцатый год бояре пили долго, матерились яро, оседая тяжкими соловыми задами в полукафтаньях, отороченных кандибобером.

Зазвонили у Макарья на Овражках, потом у Никиты на Варварке.

— С новым годом, господи, благослови, — блаженно рыгнул с перепоя Иван Варсанофьич и раздавил четвертную, не сходя с места, закусив соленым огурцом.

— Ной Яр, гратулирен, — защебетали боярские девы с политесом, вертя шустрыми задами в аглицких турнюрах, с прострочкой, и налегли на бутыль с вишневкой.

— Я вас, суки заморские, — икнул на них Иван Варсанофьич, засопев курносием своим. (Рожа набок сворочена, глаза сивые.) И ковырнул в зубах большим пальцем с загогулиной.

Холопы боярские, смерды и дети холопы подавали перепелов с орехами, баранов с же-

людьми, жаренных в тесте, гусячьи потроха заливные со сметаной, пироги с бычьими почками, с каплунами, с поросятиной...

Вошел внезапно. Дрыгнул ногой. Сел. Схватил штоф меду, осушил жадно. Вытер усы ладошкой.

— С новым годом, бояре. Пошто бород не бреете?

Задержалась левая бровь, потом поджилки в правом колене. Поднял за ножки стул точеный, тонкой голландской работы с бисером, и — об пол.

Вышел единым духом, дергая правым предплечьем. И с Алексашкой — в возок.

Ударили к заутрени у Евграфья на Стромынке.

Сидели бояре на задах, по клетям и подклетям, трясли окаянными бородами, дули горькую.

— С новым годом. Ужо быть беде.

II

Мих. Зощенко

ОТРЫВОК ИЗ „СИНЕВАТОЙ КНИГИ“

Один Людовик, куриная морда, не то Пятнадцатый, не то Шешнадцатый, точно не припомню, выпивал с приближенными в своем королевском дворце.

Они встречали ихний новый год во французском духе с певичками и тому подобное.

Они встречались и радовались этому маловысокохудожественному празднику и

хлестали между прочим вино из бокалов, как лошади.

Сидевшая за столом пожилая королевская подруга мадам Помпадур тоже выпивала и закусывала.

Она беззаботно закусывала, как птичка, пирожками с ливером и щебетала разные французские слова и выражения, как вдруг она заметила, что ейный сожителъ Людовик хватил лишнее и сейчас свалится с королевских копыт.

Чуткая подруга жизни подошла к Людовику и говорит ему интеллигентным сопрано по-французски: дескать, ваше величество, нализались как свинья, и будет.

На что Людовик, не то Пятнадцатый, не то Шешнадцатый, храбро ответил: дескать, с новым годом, мадам, пуцай после нас хучь потоп, вас не спрашивают.

И вылакал, пьяная морда, еще с поллитра шампанского.

III

Юрий Олеша

ПРИЗМА

Сквозь призму бокала преломляются хорды света, сталкивающиеся в моем хрусталике.

Я воспринимаю их как фугу Баха, переложенную на стихи Данте.

Девушка входит в зал в вечер нового года.

Она идет по прямоугольнику пола, выпуклая как апельсин и хрупкая как метафора.

Мы садимся за столик. Мы бродим по меню, как в пустыне, томимые жаждой. Мы заказываем бутылку Абрау.

Химическая формула шампанского взрывается в наших бокалах золотым дождем воспоминаний.

Я пью их как драму и читаю как сказку.

Я разрезаю стальным перпендикуляром ножа бумажный ранет, и он падает двумя сферическими полушариями на ослепительную плоскость тарелки.

Новый год входит в орбиту мира легкий, как пушкинская рифма.

Хрусталики девушки отражаются на моей сетчатке, и мы вонзаем острия наших вилок в грудь пулярдки, как римляне вонзали копья в грудь карфагенян...

IV

И. Бабель

НОВОГОДНЯЯ СУББОТА

Реб Мендель Сахновский, высохший на бесплодии талмуда и мудрый как тысяче-летие, сказал мне в канун нового года на старом базаре в Одессе, где бродил я под бременем моего безотрадного детства:

— Что значит новый год в океане времен? Почему Абрам Шапиро, владелец трех галантерейных магазинов на Дерибасовской, встречает новый год в кругу семейства в шелковом жилете с золотой цепочкой и с бокалом в руке, а ломовик, рыжий Мотель с Молдаванки, не встречает

нового года и лежит без задних ног на старом тряпье, ветхом как библия?

В грязные переулки моей юности дули с моря ветры аравийских пустынь.

Мы сидели на базарной скамье, брошенной как жизнь местечкового еврея.

Я взглянул, содрогаясь, на реб Менделя Сахновского, с любовью и благоговением пожал ему руку, желтую как пергамент истории.

Первые звезды медленно зажигали светильники, и тишайшая новогодняя суббота плыла над старым базаром, мертвым как величие талмуда.

ЛИРИКА

И. Браун

СТИХИ О ЛЮБВИ

1

Я ступаю по дорожке,
Рядом лес растет густой,
Вьются радостные мошки,
Светит месяц золотой.
Я сорвал тебе цветочки,
Я связал тебе букет,
Я вдыхаю запах почки,
Потому что я — поэт.

2

Утром солнце в небе всходит,
Знаю — к вечеру зайдет,

Я мечтаю на природе
И гляжу на небосвод.
Синий вечер необычен:
В небе звездочки зажглись,
Я и нежен и лиричен,
И гляжу на звезды ввысь.
Утром травы зеленеют,
Колос спеет золотой,
Рифмы лирика лелеют
Необычной простотой.

3

Верю я — настанет вечер
Бледно-сине-голубой,
И, твои увидев плечи,
Залюбуюсь я тобой.
Чтобы утром, выйдя в поле,
Мог бы лирик, как и все,
Побродить в овсах на воле
По лирической росе.
Звезды. Небо. Даль. Дорога.
Птички. Речка. Благодать...
Я сказать желаю много,
Только нечего сказать.

Вера Инбер

ПЕСНЯ

1

Уссурийская лежала
В пышном кружеве тайги,
Забайкальская дрожала
В снеговых шелках пурги...

У Октябрьской млели щеки.
Подходили сдачи сроки:
Победить наверняка —
Больше сдать порожняка!
В сводках — сладкое томленье,
Бой за перевыполненье.
В сердце — план, в глазах — борьба,
В черных усиках — губа...

1-й припев:

Полуденные и полночные,
Юго-западные и юго-восточные
Железные,
Полезные
Очень
Дорожки!
Крепите стальные изящные ножки!!

2-й припев:

Грузите пылко, грузите страстно,
И я грузить стихи согласна,
Чтоб по Советской по всей Руси
Эн-Ка-Пе-Эс нам сказал „мерси!“

Томской Омская, волнуясь,
Прошептала тет-а-тет:
— Не хотите ль, соревнуясь,
Сократить порывы смет?
Закавказская в истоме,
И уже на переломе,
Улыбнулась им в ответ:
— Отстающих больше нет!
Я люблю дороги эти
Наблюдать при лунном свете
Из вагонного купе,
На удобном канапе...

1-й припев:

Полуденные и полночные,
Юго-западные и юго-восточные
Железные,
Полезные
Очень дорожки!
Крепите стальные изящные ножи!!

2-й припев:

Грузите пылко, грузите страстно,
И я грузить стихи согласна,
Чтоб по Советской по всей Руси
Эн-Ка-Пе-Эс нам сказал „мерси“!

А. Жаров

КТО — ЗА? ЕДИНОГЛАСНО!

Незнакомка сказала: целуй,
Ты немедленно проголосуй —
„За“ иль „против“ ты этих волос,
Золотистых, смеющихся кос.
Голубая моя стрекоза!
Голосую немедленно „за“, .
Зацелую тебя я взасос,
Ликвидирую этот вопрос,
И меня пара женственных глаз
Несознательно лаской обдаст.
Голосну я за юность, за страсть,
Мне за двадцать, пора мне упасть
В негу глаз, где лазурна гроза, —
За глаза голосую я „за“.

.
Ох уж эта красotka — лазурь. . .
Я в ячейку пришел после бурь

И увидел (О песен янтарь!),
Что меня целовал секретарь:
Не сказала вчера мне о том,
Что назначена секретарем.
Так вчера в упоеньи не зря
Голоснул я за секретаря.

А. Решетов

КОСА И НЕБЕСА

Кругом—поля,
Кругом—леса,
А в небе—жаворонки
Вьются...
Ты помнишь, русая коса,
Родные наши небеса
И чай из розового блюда?
Я помню все,
Моя краса,
Поля, леса
И небеса—
Все так же пташки
В небе вьются,
Как песни,
Что тобой поются:
Про хату нашу,
Про леса,
Как избачи
Над книгой бьются,
Про зерна тучного овса,
Про моего родного деда...
Все трудодни
Ему зачтутся,

А в небе жаворонки
Вьются...
Кругом—поля,
Кругом—леса
О, чудеса!
Коса! Леса!

Владимир Луговской

МУСКУЛИСТАЯ ЛИРИКА

Я пел в оранжевой иочи—
на нефтевозе,
Ты у желонки
стала в Кара-бу.
Твои уста,
дымясь на паровозе,
Мне прогудели
жаркую судьбу.
Ярился я в песках,
под звон гитары.
Вгрызадась в руды
на разведке ты.
И облаков
шашлычные отары
Последний луч
упрятали в кусты.
Твои зрочки
пылали в пляске ветра,
Гудело сердце
в медных проводах.
Я у костра сушил
немыслимые гетры,

Ступив ногой
на дикий Кара-Дах.
Ты, стройная
как нить нефтепровода,
Спускалась в бухту
мощною трубой,
А я в седле глотал
сухие углеводы,
Пустынею склоняясь
над тобой.
Тебя звездой
увиджу вновь из туч я,
Покой и тишь —
душе невпроворот.
Я не закрою
мой певучий рот,
Чтоб изрыгал он —
мысли и созвучья.

Е. Полонская

ЕЩЕ И ЕЩЕ ЛЮБОВЬ

Мой стих засушлив как июль
И горек как полынь.
Тебя, далекого, верну ль?
Сказала сердцу: „сгинь“...
Я помню занавесей тюль
И теплоту простынь...
И снова год прошел. Июль.
Хлеба. Судьба. Теплынь.
Кольшит ветер светлый тюль,
И стих уходит в синь,
Сухой и жаркий как июль
И как пески пустынь.

Кого? Чего? Кому? Чему?
Кого я обниму?
Кому я с радостью скажу,
Что сына я рожу?
Он бережно раскроет тюль,
В глазах увидит синь,
А за окном — сухой июль,
И стих мой — как полынь...

А. Прокофьев

ПОЛЮБОВНЫЕ ЧАСТЫЕ

Первая частая

Эх, приладожская воля —
Щучья радость, рыба доля,
Три плотички, два линия.
Шла с чужим на Охту дроля,¹
А за дролей топал я.

Вторая частая

Поля ты или не Поля?
Леля ты или не Леля?
Щучка? Корюшка? Линек?
Шла со мною с Охты дроля, —
Сзади топал паренек.

Всеволод Рождественский

МОЯ ЭКЗОТИКА

Восходит солнце над Сагызом,
И янтари Аму-Ата

¹ На Севере — любимая, дорогая.

Омыты жаристанским бризом
Над синей гладью Кым-Бата.

Люблю цветы Али-Азрани,
Когда Кзыл-баша изумруд
И тьму-аза цветут в тумане
В садах Али-Аби-Авуд...

Здесь слепок с вазы Каримана,
Сошедший в сень Ару-Арык,
Бредет с кувшином Тамерлана
Тропою предков в Таганлык.

Люблю я дев из Луджистана
И джахских персей смуглоту
И горечь пряного сюдзана
На берегах Базыл-Бату.

Люблю джимкентских пионеров,
Биби-Айбатских октябрат,
Согдийский профиль дромадеров
И дыни знойных Тарабад.

Люблю красу, косу, селенья,
И Кичзураб и Кичкенэ,
Когда со вздохом умиленья
Я возвращаюсь из турнэ.

И вспоминаю за сервизом
Все экзотичные места:
Восходит солнце над Сагызом,
И янтари Аму-Ата
Омыты жаристанским бризом
Над синей гладью Ким-бата.
Люблю цветы Али-Азрани,

И клен, и лен, и небосклон...
О, сколько есть еще названий
И упоительных имен!!

Сергей Спасский

МУХА НА КАМНЕ

(Из путевого блокнота)

Я выхожу стихом меняться в город.
Спираль зданий завернулись ввысь.
Тысячелетия берут меня за ворот,
И я кричу тысячелетьям — „брысь!“
Сидит на цоколе стрекошущая муха,
Пронзая взглядом тьму седых веков.
Мой стихосмысл в строку ложится сухо,
Вздымаю строчку выше облаков.
А муха? Что ж она?
О лапку лапку трет...
Вокруг — времен и лиц водоворот...
Она сидит в крошечном сквозняке,
Сев на историю
Мушиным хрупким задом.
А я?
Я шелкаю стихами налегке,
Нахмутив брови, опускаюсь рядом...
Но тля коварная крылата как мечта:
Мушинка прыгнула — и растворилась в выси.
Стихом моим пронзаю все места
И, суховея, вьюсь то в Пензе, то
в Тифлисе, —
С упорным и тугим, завидным
постоянством
Заумной „стишиной“ заполнив все
Пространство.

ПРОГУЛКА В ОСТЕРБРЮГГЕ

(Из цикла стихов о Европе)

Бежит за мной уродливая такса,
Ползет на холм безглазая тоска.
Тропа узка как череп англосакса, —
А под ногой — бедро, ступня, рука...
Вдыхая розы, нюхаю сражение.
Сядясь на пень, я ребер слышу треск, —
Иное принимаю положение,
Чтоб лицезреть костей берцовых
блеск...

Ложусь под вязом, подо мною — тленье,
Растительность кровава и скупа,
В кустах сирени — сладкое гниенье:
Трещат, стуча зубами, черепа.
Я выхожу на римскую дорогу,
Но из цветущей точки по прямой
Истлевшую протягивает ногу
Мне на посту стоявший часовой.
Среди скелетов свежий бьет источник,
Вдыхаю терпкий тления дымок, —
Я наступил на чей-то позвоночник, —
Могильным звоном звякнул позвонок.
Веселый плющ бежит по белым
стенам, —

Здесь пчелы Рубенса собирали мед,
Но что ни пчелка — отдает фосгеном,
Что ни букашка — адский газомёт.
Снуют как пули шустрые стрекозы,
Белеет челюсть скромно на лугу...
Отказываюсь нюхать эти розы,
Смотреть на мошек больше не могу.

Упала ночь внезапная, как клякса,
Артиллерийская гремит гроза, —
История скулит за мной как такса,
Вперяя в ночь ослепшие глаза.

Иосиф Уткин

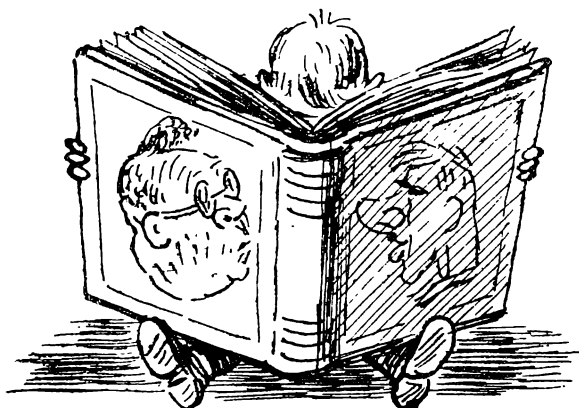
МОЕЙ ДЕВУШКЕ

I

Ты прошла сквозь строй моей эпохи,
Чуть в походке припадая ниц...
Твой дивный стан терзали страсти
вздохи,
Дрожали стрелки вздернутых ресниц.
Была ты пышная на склоне нэпа,
Цвел поцелуев третий миллион,
И я тебе, не рассуждая, слепо
Купил пирожное „Наполеон“.
Я возвратился только что с гражданской,
Губами стал твой алый рот искать...
Звенел меж нас опять романс цыганский,
И я шептал, на бюст склонившись:
„Кать!..“

II

Тринадцать лет любовная истома
Меня влечет в знакомые края, —
И ты читателю давно знакома
И надоела так же, как и я!
Тринадцать лет, занявшись нашей парой,
Тринадцать лет рифмуя „страсть“ и
„власть“,
Я познаю дешевенькую сладость —
И, как мечом, орудую... гитарой.

ДЛЯ МАЛОЛЕТНИХ

А. Барто

МАЛОЛЕТНИЕ СТИШКИ

1. Про букашку

Принесли мы
С Витей
Чашку.
В чашку
Спрятали
Букашку,
А букашка
Без рубашки.
Нет рубашки

У букашки.
Нет у бедной
Таракашки
Даже простеньких
Трусов!
Только —
Парочка усов!!
Так с усами
И живет.
Вот и вот!

2. Про марш

Мы играем,
Отдыхаем,
Мы гуляем,
Мы шагаем —
Руки, ноги, голова.
Раз, два!
Маша, Даша,
Паша, Клаша,
Алексаша и Наташа,
Солнце, воздух, и трава...
Раз, два!
Веня, Женя,
Феня, Сеня
И еще другая Феня,
А в руках у нас — халва.
Раз, два!

3. Про снежинку

Наморщив бровки,
Стоят коровки.
Мычат коровки
Все — на лугу.
Му-у-у...

Стоит горушка,
На ней Пеструшка,
А рядом, — глянь-ка, —
Буренка Манька...
Едят траву.

Му-у-у...

Вот без пеленок
Лежит ребенок —
Худой теленок,
И потому
Он плачет.

Му-у-у... -

*4. Про рыбку
(для грудных)*

Ай-да рыбка,
Ай-да-да,
А кругом нее —
Вода!

С. Маршак

ЛОХМАТЫЙ-ВОЛОСАТЫИ

Ходит-бродит волосатый,
Весь лохматый,
Весь косматый.
Бродит,
Ходит
День-денской
Лохматый такой!
Косматый такой!
Волосатый такой!
Он уроков не готовит,
Паучков и мух не ловит,

Он урчит,
Он фырчит,
Вечеру и поутру —
Рру... Рру... Рру... Рру...
Мы же утром в школу ходим,
Не урчим и не фырчим,
Мы по улицам не бродим,
На уроках не молчим, —
Пишем в классе мы пером,
Поднимаем в классе гром, —
Он же, он же, волосатый,
И косматый,
И лохматый,
Он не знает, хоть убей,
Ни предлогов, ни дробей!

Корней Чуковский

ИЗБРАННАЯ ЧЕПУХОВИНА

Вот так штука,
Вот-те на!
Вышла жаба за слона, —
За слона Слоновича,
За Петра Петровича!
Стала щукою блоха...
Ха-ха-ха, да ха-ха-ха...
Белка серая гогочет,
Бык на кустике стрекочет,
Гусь на веточке блекочет,
Крокодил побриться хочет.
А посуда, а ножи
Побежали...
— Стой! Держи! —
Закричали тут ежи,

Завопили тут стрижи:
„Подавай-ка нам коржи
С маком,
С гаком,
С пастернаком!“
А медведь, такой смешной,
Встретил тигра на Сенной!
Что тут было!
Что тут было!
Стрекоза в лесу завывла,
Как из пушки
На подушке
Завопили басом мушки,
Звезды прыгают в траве,
Львы западали в Неве,
В небе квакают лягушки!
„Ква-ква-ква, да ква-ква-ква,
Закружилась голова!
Ха-ха-ха, да ха-ха-ха,
Дайте, дайте нам вина!“
Чепушинка,
Чепуха,
Че-пу-хо-вина!!!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. ВООБЩЕ...

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Универсальный критик	5
Универмаг литературы	10

УГОЛОК ЛИТЕРАТУРОВЕДА

Изыскания (Пушкинский сборник 1001-й) .	14
Краткий учебник литературы	22

В САДАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Осенний сон. Баллада	26
Ровно в полночь	28
Интервью с бессмертным	29
„Я имени его не знаю“ (путешествие в исторический роман.)	31

Раздел II. ... И В ЧАСТНОСТИ

ПРОЗА

Ю. Герман	37
В. Гроссман	39
М. Зощенко	41
М. Козаков	44
В. Лидин	47
Л. Леонов	49
С. Марвич	51
Ю. Олеша	55
К. Паустовский	56
М. Пришвин	57

А. Фадеев	59
О. Форш	61
М. Шагинян	63
И. Эренбург	65

Новогодние рассказы (Толстой, Зо- щенко, Олеша, Бабель)	68
--	----

ЛИРИКА

Н. Браун	73
В. Инбер	74
А. Жаров	76
А. Решетов	77
В. Луговской	78
Е. Полонская	79
А. Прокофьев	80
В. Рождественский	80
С. Спасский	82
Н. Тихонов	83
И. Уткин	84

ДЛЯ МАЛОЛЕТНИХ

А. Барто	85
С. Маршак	87
К. Чуковский	88